

УДК 398.21

DOI: 10.17223/19986645/70/16

А.К. Салмин

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ БОГАТЫРСКИХ СКАЗОК: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИЗЫСКАНИЯ

Обосновывается мнение о возможности положить в основу определения сюжета эпического жанра принципы, заложенные В.Я. Проппом. Автор приходит к выводу о существовании очевидных жанровых различиях между богатырской сказкой и героическим эпосом, поскольку эпический характер богатырских сказок еще не свидетельствует об их жанровой принадлежности к героическому эпосу и о том, что реконструкции сказок о богатырях нельзя считать подлинно народным творчеством.

Ключевые слова: эпические жанры, богатырская сказка, героический эпос.

Богатырская сказка как жанровая разновидность

Фольклористика знает три авторитетных указателя сказочных сюжетов. Автором первого является финский фольклорист Антти Аарне. Его работа «Verzeichnis der Märchentypen» издана в 1910 г. в Хельсинки. Автор второго (The Types of the Folktale) – американец Стис Томпсон. В 1928 г. он перевел и дополнил «Указатель» Антти Аарне. Третий «Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне» издал в Ленинграде в 1929 г. известный русский фольклорист Н.П. Андреев. Антти Аарне, Стис Томпсон и Н.П. Андреев, предложившие свои системы классификации сказок народов мира, подвергаются постоянной критике, однако удовлетворительного (= логически выстроенного) указателя сюжетов до сих пор нет. Все другие попытки предложить свои варианты классификации (включая указатели «Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка» и «The Types of International Folktales» Ганса-Йорга Утера) содержат те же ошибки. Автор этих строк считает возможным положить в основу принципы, изложенные В.Я. Проппом, по мнению которого, сюжет сказки определяется типом антипода, т.е. зависит от того, с кем происходит поединок главного героя.

Все авторы указателей сказочных сюжетов делят сказки на сюжеты примерно одинаково. По их замыслу указатели должны напоминать таблицу химических элементов Д.И. Менделеева, где вместо пропущенных гнезд-номеров они хотели бы видеть со временем вновь выявленные сюжеты из мирового сказочного репертуара. Но вся беда в том, что фольклористы не могли по той или иной причине разработать основу – принцип классификации. По моему мнению, этот просчет не только названных исследователей сказки, но и во многом, и даже в первую очередь,

исходит от уровня всей мировой фольклористики допропповского периода, т.е. до появления в свет двух работ В.Я. Проппа. Имеются в виду статьи «Принципы классификации фольклорных жанров» и «Жанровый состав русского фольклора» [1]. В этих работах В.Я. Пропп впервые специально обратился и вплотную подошел к разрешению проблемы жанров в целом. Следует отметить, что работы эти носят методологический характер и могут быть с успехом использованы применительно не только к русскому фольклору, но и к фольклору любого народа без ущерба специфическим особенностям. В.Я. Пропп подверг логическому анализу указатели и привел ряд фактических ошибок. Затем он, как опытный эмпирик-философ, заключил: «Указатель Аарне-Томпсона вошел в международный обиход, переведен на многие языки, но пора прямо сказать, что он пригоден только как технический справочник за неимением лучшего» [1. С. 44]. Отсюда вытекает актуальность рассматриваемой темы в фольклористике в целом.

Вопрос классификации сказочных сюжетов сам собой упростится, если напомнить, что сказковеды (А.И. Никифоров, Э.В. Померанцева, Л.Г. Барга) придерживались «Указателя» Н.П. Андреева, а андреевский указатель по принципу классификации в основном схож с «Указателями» Антти Аарне и Стиса Томпсона. Коли это так, за типичное возьмем «Указатель» Н.П. Андреева и проследим принципы и способы, лежащие в основе классификации, попытаемся выявить те или иные закономерности, которых придерживаются классификаторы.

Некоторые примеры из Н.П. Андреева. Сюжеты под № 313 соединены под общим названием «Чудесное бегство». Этот сюжет, в свою очередь, подразделяется на три подсюжета: а) юноша обещан Морскому царю (и т.п.), девушка помогает ему бежать; б) то же самое, но с другим началом: отец героя получает в подарок чудесный ящик, который нельзя открывать до дома, нарушает запрет и за помощь уступает сына (то, о чем не знает); в) то же самое, с добавлением в конце: вернувшись домой, юноша забывает девушку-невесту; в конце концов, они соединяются. В этом сюжете в основе принципа классификации лежит чудесное бегство. Такое же название у сюжета под № 314. Сюжетов под № 313 всего три типа, причем первый подразделяется на три подтипа. В итоге получается 6 типов и подтипов под общим названием «Чудесное бегство». Поэтому Н.П. Андреев не смог соединить данное название сюжета под общим номером, а пришлось разбить его на шесть подтипов, т.е. сюжетов под таким названием много. Значит, брать за основу принципа классификации «Чудесное бегство» в данном случае нет смысла. Кроме того, чудесное бегство можно встретить и в других самостоятельно выделенных сюжетах в качестве элемента.

Еще пример. В одних случаях Н.П. Андреев кладет в основу персонажи, в других – приметы, в третьих – действие, в четвертых – моральное качество и т.д. Изобразим это графически.

№ сюжетов	Названия сюжетов	Что взято за основу классификации
300	Победитель змея	Действие
301	Три царства	Пространство
306	Ночные пляски	Время
329	Елена Премудрая	Образ
333	Красная шапочка	Предмет
362	Доброта	Мораль
465	Красавица жена	Эстетика

Список можно продолжить. И это все в рамках волшебной сказки. Опять нет логики, которая бы лежала в основе принципа классификации.

Напомнив о взглядах В.М. Жирмунского и Е.М. Мелетинского на богатырскую сказку, С.Ю. Неклюдов замечает, что «богатырской сказкой могут быть названы определенные группы волшебных сказок героического типа, фигурирующие в каталоге сказочных сюжетов Аарне-Томпсона под номерами 300–301 и отчасти 550–551..., и, наконец, позднейшие сказочные переложения эпических сюжетов, широко известные в мировом фольклоре (в частности, тип сказок о былинных богатырях, подробно описанных А.М. Астаховой)» [2. С. 82].

Также понятно, что основу богатырской сказки (*heroic fairy tale*, *conte heroïque*, *Heldenmärchen*) составляют богатырская борьба и героический подвиг.

Как показывают исследования богатырских сказок народов Дагестана, главный персонаж одолевает *аждаху* в единоборстве. В итоге он с помощью своего коня уничтожает противника – Черного нарта. «Герой богатырской сказки достигает цели, прежде всего, благодаря своей феноменальной физической силе, а помощники играют лишь вспомогательную роль» [3. С. 194].

В исследовании М.Ф. Бухурова на материале фольклора адыгов сказки о богатырях рассматриваются как самостоятельный жанр [4]. Анализ адыгского материала свидетельствует, что между нартским эпосом и героическими сказками не наблюдается стадийной соотнесенности. Оба жанра восходят к мифу. Однако в архаических жанрах сакральные функции или совсем утратились, или отступили на второй план, но мифологизм как явление продолжает функционировать. Поэтому указанные два жанра нельзя признать прямыми источниками по отношению друг к другу. Жанроопределяющим критерием для сказок о богатырях и нартского эпоса является вымысел в сказках и достоверность в героическом эпосе.

Богатырское детство – это своего рода инкубационный период, когда происходит становление и накопление характерологических черт персонажа. Действительно, здесь важно акцентировать типологическую связь в сравнении физической силы и незаурядного ума малыша с силой мифических зверей, перенесение их магии и мощи на обыкновенного ребенка и подчинение этих качеств эпическому сюжету.

Волшебно-героическая сказка, прежде всего, исходит из своих прямых назначений – она неизменно ведет повествование в рамках эпического сю-

жета, шаг за шагом утверждая права богатыря на суженую. Его действия на фоне ложных героев – по сути низких персонажей – поднимают статус истинного героя, подчеркивают предназначенность невесты только ему.

Блок эпических мотивов «Чудесное происхождение» выдвигает на арену главного героя. Миф, сказка и эпос активно включают блок мотивов чудесного происхождения. Эпические мотивы о чудесном происхождении используют особо почитаемые в жизни верующего предметы [5]. Выбор локуса поединка с эпическим врагом зависит, прежде всего, от места нахождения взрослой девушки, доставленной туда в качестве жертвы.

Блок мотивов «Поединок с эпическим врагом» является центральным и обязательным. Отсутствие этого блока исключает возможность рассматривать тексты в качестве героических. В сюжете может выпасть любой из блоков, кроме этого, его можно назвать связующим или, точнее, жанроопределяющим (в отличие от сюжетообразующих).

Исследования героического эпоса и сказок о богатырях в эпической традиции восточных эвенов показывают, что исполнение богатырской сказки (*гумэ нимнгакана*) было доступно гораздо большему кругу людей, а исполнение героического эпоса (*нимнгакама нимнгакана*) было доступно ограниченному числу носителей фольклора, обладающих особым даром. «Таких людей в среде эвенков называли *нимнгакаланами* – исполнителями эпоса. Для того чтобы стать исполнителем эвенкийского эпоса, человек должен был пройти своеобразную инициацию, которая по своей сути весьма схожа с традициями становления кандидата в шаманы» [6. С. 39].

Богатырская сказка как эпический жанр

Некоторые авторы белорусские тексты о богатырях в генетическом плане размещают между волшебными сказками и героическим эпосом и называют их «промежуточными» или «переходными» [7. С. 40]. Аналогичного мнения придерживается исследователь алтайских сказок Т.М. Садалова. По ее мнению, репертуар алтайских *баатырлык чорчоктор* «богатырских сказок» включает тексты, занимающие промежуточное пространство между волшебными сказками и героическим эпосом [8. С. 16]. По мнению И.Г. Закировой, татарские сказки о батырах по содержанию и структуре близки к произведениям народного эпоса и также занимают промежуточное положение между волшебными сказками и богатырским эпосом. Для этого есть много причин. В качестве одной из основных она называет исчезновение после официального принятия в X в. волжскими булгарами ислама *жырау-чичэнов* «народных певцов». В итоге народный эпос вытесняется письменной литературой. Но сюжеты, описываемые в дастанах, были настолько любимы народом, что многие из них продолжают существовать в доступной для исполнения прозаической форме, т.е. в сказках [9. С. 31].

Анализ адыгского материала показывает, что между героическим эпосом и сказками о богатырях не наблюдается стадийной соотнесенности. «Оба жанра происходят от мифа, в содержание которого верили» [4. С. 36].

Согласно его исследованиям оба жанра – героический эпос и богатырская сказка – происходят от мифа, но в дальнейшем развивались автономно, но взаимодействуя друг с другом.

И в героическом эпосе, и в сказках о богатырях присутствуют одни и те же мотивы. При сопоставлении персонажей сказаний о нартах и сказок о богатырях народов Дагестана обнаруживаются близкие мотивы. А это свидетельствует об исконном существовании единого эпического фонда, из которого со временем получились две развилки: героический эпос и сказка [3. С. 195–196]. Должно быть, оба жанра развивались сравнительно автономно, ни один из них нельзя назвать прямым предшественником другого.

Признавая эпичность сказок о богатырях, приходится тут же сталкиваться с полемикой вокруг проблемы их генезиса. По мнению одних, сказка намного архаичнее былины и послужила древнейшей ступенью развития богатырского эпоса [10. С. 259].

Сюжеты о сватовстве возникли первоначально на основе совершенно иных жанров, скорее всего богатырских сказок, писал Е.М. Мелетинский. Героическое сватовство, как известно, типичнейшая тема не мифологического эпоса, а богатырской сказки [11. С. 150, 226].

Эвенкские сказки о богатырях, утверждают фольклористы, являются переходной ступенью к классическому эпосу. Так, зачин в повествованиях *гумэ нимнгакан* «богатырских сказок» схож с зачином героических сюжетов. В обоих жанрах прослеживается отчетливое совпадение сюжетов. А главные персонажи встречаются как в текстах поющих героических сказаний *нимнгакама нимнгакан*, так и в текстах богатырских сказок *гумэ нимнгаканов* [6. С. 39].

Весьма ценные наблюдения делаются на примере калмыцкого фольклора. По мнению Ц.Б. Селеевой, героический эпос развивается как непосредственное продолжение фольклорных традиций архаического общества, основанных на взаимодействии мифологических циклов о предках, культурных героях и богатырских сказок [12. С. 74, 77].

От кумандинского сказителя О.К. Алексеева записано сказание «Димей-Ару и Шимей-Ару» (1666 стих. стр.) в речитативном исполнении. Произведение входит в эпический репертуар кумандинцев, чалканцев и тубаларов. В комментариях к данному тексту С.С. Суразаков писал, что «эта древняя сказка, исполняясь в течение многих веков, в конце концов, трансформировалась в героико-романтический эпос. Эту сказку Очубай Алексеев не исполняет *каем*, а рассказывает речитативом в быстром темпе. Поэтому его рассказ принимает стихотворную форму. Некоторые диалоги или песни *баатыров* он исполняет песней (*сарыном*). Частичное исполнение сказок *сарыном* (песнями) – это излюбленный прием кумандинцев и чалканцев» [13. С. 8-9]. С.С. Суразаков также отмечал, что излюбленный метод исполнения сказаний с включениями в него песенных вставок *сарын* использовался тубаларским сказителем Н.У. Улагашевым. В сказаниях «Кёзюйке» и «Алып-Манаш» в исполнении Н.У. Улагашева присутствуют песенные диалоги, которые он пропевал сам.

Другие, наоборот, оценивают богатырские сюжеты как результат разложения эпоса. По их мнению, «возникновение и формирование богатырских сказок связано с угасанием *улигеров* и их трансформацией в данный вид сказочного творчества» [14. С. 17]. Соглашаясь с мнениями своих предшественников и развивая их высказывания, Б.Б. Манджиева заявляет, что богатырские сказки не есть волшебные сказки. «Богатырские сказки отличаются от волшебных внутренней структурой, мотивами, традиционными формулами, они отличаются и по своему характеру, но имеют некоторые общие мотивы с произведениями эпического жанра. В калмыцком сказочном жанре есть сюжеты, генетически связанные с эпосом и представляющие собой трансформированные формы героических сказаний» [15]. Для трансформации татарских дастанов в богатырские сказки есть много причин.

Как отмечает исследователь фольклора народов Алтая, репертуар *баатырлык чорчоктор* «богатырских сказок» включает тексты, занимающие промежуточное положение между волшебными сказками и героическими сказаниями. Кроме того, среди народов Алтая зафиксированы сказки с песенными вставками [16. С. 51]. Все эти процессы свидетельствуют о жанровых взаимодействиях богатырской сказки и героического эпоса.

В русской традиции эпическая поэзия с течением времени переродилась в рассказы в прозе, ставшие частью русской традиции народных сказок, хотя их содержание и разнообразные стилистические черты выдают былинный источник их происхождения. К этому типу принадлежат татарские, киргизские и казахские народные сказки об Эр Тоштюке.

«Эр Тоштюк» – это киргизский эпос, записанный во многих вариантах. Его сюжет связан с народной сказкой о трех царствах. Здесь эпос и сказка, вполне возможно, восходят к некоторой общей архетипической модели. В то время как татарская, киргизская и казахская народные сказки о трех царствах могут быть названы первичными, народные сказки об Эр Тоштюке являются вторичными, т.е. производными от эпической поэзии [17. С. 129–130]. Представляется почти несомненным, что казахская *батырлық эртеги* «богатырская сказка» об Эр Тоштюке является производной формой, это, однако, не означает, что в казахском фольклоре не существует богатырской сказки как первичной формы.

Второй тип героических рассказов, на который следует обратить внимание, – богатырская сказка как первичная форма. Многие полагают, что богатырская сказка составляет наиболее древний слой тюркской (и даже более обобщенно – алтайской и сибирской) эпической поэзии, из которого на более позднем этапе развился поэтический эпос киргизов, казахов и других тюркских народов. Подобно алтайскому *чөрчөк*, тувинское слово *тоол* обозначает все типы сказаний, будь то народные сказки, богатырские сказки или героический эпос. В алтайском языке различие между значениями «богатырская сказка» и «героический эпос» можно легко установить посредством указания на манеру исполнения. Героический эпос сказывается в манере *кая*. *Чөрчөк* обычно исполняется в стихах и иногда включает

тысячи стихотворных строк, так что термин «эпос» по отношению к таким произведениям кажется более оправданным, чем «сказка». Однако много раз отмечалось, что эпитет «героический» можно принять лишь с определенными оговорками, так как в алтайской эпической поэзии явным образом проявляются шаманские черты. В случае с тувинским *тоол* (*узун тоол* «длинная сказка», т.е. сказание; *кыска тоол* «короткая сказка», т.е. богатырская сказка) отличие народной сказки от сказки богатырской покоится на сходных критериях. У тувинцев богатырские сказки в основном исполняются нараспев или поютя. Их простая декламация как манера исполнения появилась только в недавнем прошлом [18. С. 90–91].

Поэтому эпосоведы констатируют, что один и тот же сюжет мог развиться и в жанре сказки, и в жанре героического сказания, приобретая в их рамках специфические черты [16. С. 50].

Как видим, исследователи высказывают самые разноречивые, иногда противоположные мнения по поводу генезиса богатырских сказок. Однако они все подчеркивают эпический характер героической сказки. Так, А.М. Астахова указала на сказки о былинных богатырях. Не видя существенной разницы, в сборник славянского эпоса включали белорусские сказки типа «Кирилла Кожемяка», «Как Илья Муромец победил Соловья-разбойника, Обжору и Аль-кадима».

Другие возражают и приводят довод, что материал восточнославянского фольклора не подтверждает теорию о происхождении классического эпоса из богатырских сказок. Их поддерживают фольклористы Кавказа. «Несмотря на то, что в героическом эпосе наличествует поэтический вымысел, люди верили в существование племени нартов... Как видно, жанродифференцирующим критерием для богатырской сказки и героического сказания исследователем выделяется установка на вымысел в сказках и на достоверность – в сказаниях» [3. С. 196]. По мнению Г.Р. Хусаиновой, башкирская сказка «Урал-батыр» не является версией эпоса, а представляет собой жанр самостоятельной богатырской сказки. Все действия здесь подчинены законам сказки. Герою предстоит пройти три испытания, что он и делает: с трудом обуздает *Акбузата*, побеждает сначала 9-, затем 12-главого змея [19. С. 213].

Одним из основных жанров калмыцкого фольклора являются сказки богатырского содержания. Аналогичные нарративы представлены в виде сказок о богатырях и богатырского эпоса (*тууль-улигеров*), близкие по содержанию, но это совершенно разные по форме тексты. В отличие от героической сказки героический эпос (*тууль-улигеры*) всегда имеет стихотворную форму. Исполнение героического эпоса подразумевает музыкальное сопровождение. Исполнение сказок о богатырях не знает такой традиции. *Тууль-улигеры* исполнялись непосредственно *туульчи* «сказителем», в то время как сказки о богатырях может рассказать любитель. Традиция привела к тому, что героические сказки получили распространение в отличие от героического эпоса. *Тууль-улигерный* герой сражается с антагонистом в одиночку, иногда борьба с соперником может продолжаться на протяже-

нии двух-трех поколений (отец – сын – внук). Такой сюжет в богатырской сказке крайне редок [20. С. 363–365].

Проблема отношений между собственно эпосом и богатырской сказкой относится к числу сложнейших в современной фольклористике. Главное различие богатырской сказки и героического эпоса – то, что первая рассказывается прозой или, что встречается нечасто, содержит песенные или стихотворные вставки. В то же время эпическое сказание поется той или иной формой пения или же исполняется чередованием прозы в повествовании и стихов. Казалось бы, если эпос и сказка называются разными терминами и богатырская сказка не выделяется из других групп сказок, то интересующая нас проблема отсутствует вообще. Однако этот критерий не всегда эффективен, когда эпос и сказка называются одним термином, как *нимкан* у эвенов и *нимнгакан* у эвенков (разграничение *нимнгаканма нимнгакан* и *гумэ нимнгакан* выявлено довольно поздно) [21. С. 135–136].

Хорошо известны богатырские сказки в бурятском фольклоре. Исследователи, не стремясь к теоретизированию, тонко подмечают: формирование таких сказок в известной мере связано с угасанием улигеров, их жанровой трансформацией. Отдельные повествования о батырах стали передаваться в прозе. Происходил постепенный переход части улигерных сюжетов в сказочный жанр. Однако было бы неверно усматривать в богатырских сказках переделку улигеров. Повествовательные сюжеты о богатырях – издавна существующая традиционная разновидность бурятских сказок [21. С. 139–140].

Надо признать, – пишет А.А. Бурыкин, – что глубокие различия между эпосом и богатырской сказкой действительно существуют, эти формы представляют разные жанры [21. С. 147].

Типология эпического жанра

Главная художественная особенность – богатырство – передается не только через композицию, но проявляется и в изобразительных средствах. Сказочный богатырь носит «двенадцатипудовый меч», «крупные кости выплевывает изо рта, мелкие кости выдувает через нос», и у них «в котлах варится столько мяса, что всем собакам хватит», «а быки взрывали рогами так, что горы вырастали». Здесь эпитеты «красавец» и «богатырь» синонимичны, так как формула народной эстетики такова: богатырь – значит красив, красив – значит богатырь, иначе не может быть. В большинстве случаев этим объясняется отсутствие в тюрко-монгольском эпосе описания портрета героя, но подробно говорится о вооружении, доспехах и коне.

Специальные экспедиционные поездки, а также исследования позволили В.Л. Кляусу констатировать, что в среде забайкальских и амурских казаков действительно бытовали эпические тексты об Илье Муромце, хотя они и не зафиксированы собирателями. В 2008 г. он побывал в с. Дано Калганского района Читинской области. О хождении сказочных сюжетов об Илье Муромце ему рассказал Алексей Николаевич Козлов, 1926 г.р., коренной забайкалец,

предки которого живут в Дано по крайней мере с XIX в. А услышал А.Н. Козлов эту сказку в детстве от соседки Сусаньи Ивановны Козловой. На вопрос: «Стихами или как сказку рассказывала Сусанья Ивановна?» – последовал ответ: «Не стихами, а слово в слово». Было это в 30-е гг. Ю.И. Смирнов и В.С. Левашов, изучавшие эпические тексты забайкальских казаков, пришли к выводу, что они отличаются архаичностью, своеобразием развития некоторых мотивов, нетрадиционным прочтением отдельных образов и характером исполнения. С полным основанием это можно отнести и к приаргунской сказке об Илье Муромце и Соловье-разбойнике [22. С. 101–102, 105].

Героические сказания тувинцев Китая исполняются в форме традиционного напевного речитатива без музыкального сопровождения. По объему они весьма внушительны. Например, сказание «Буга-Чарын, Бора-Шээлей» содержит почти 900 строк. Краткие варианты таких же сказаний бытуют в репертуаре молодых исполнителей в прозаической форме. Например, в репертуаре Монгунчыргала имеются сказания *Бөгө-Сагаан-Тоолай* «Силач Сагаан-Тоолай», *Кунан-Хара-Баатыр* «Богатырь Кунан-Хара». Летом 2016 г. Ж.М. Юше удалось записать вариант сказания «Бөгө-Сагаан-Тоолай» в прозаической форме от Манзаарак, 80 лет, из рода кызыл-соян. Названия сказаний у китайских тувинцев совпадают с названиями героических сказаний тувинцев России [23. С. 18].

По признанию Б.Н. Путилова, «идея В.М. Жирмунского, согласно которой сходство и даже совпадения в сюжетах, мотивах, образах эпических памятников народов Запада и Востока объясняются в первую очередь действием общих законов эпического творчества, то есть не заимствованием, а типологическими принципами», глубоко захватили его [24. С. 6]. Иначе говоря, типология является основным признаком эпических сказаний многих народов. Этот принцип относится как к богатырским сказкам, так и к героическому эпосу.

Дальняя поездка в целях добывания жены – явление древнее и универсальное. Брак связывал два чужих рода и заодно расширял их пространство обитания. Так осваивались новые земли. Таким образом в богатырской сказке прокладывается сквозная тема социального драйва, объединяющая сразу три цели: «путешествие – секс – обретение жены» [25. С. 124; 26. С. 32].

Выводы

Несмотря на множество сходств, различия между богатырской сказкой и героическим эпосом очевидны, а это позволяет сделать вывод о том, что они – разные автономные жанры. Героические традиции богатырского эпоса выражаются в этнокультурных реалиях, сюжете, эпических мотивах, художественных приемах. Но это еще не дает основания говорить о полном тождестве идейно-художественного комплекса героического эпоса и богатырской сказки. Героический эпос и богатырская сказка – жанры существенно дифференцированные. Здесь можно говорить об эпичности богатырских сказок, о сходстве и диффузии, но не об адекватности. И, естественно, нет необходимости «доставать» волшебного-героическую сказку

до героического эпоса, поскольку наш долг не в трансформировании народных текстов, а в фиксации и объяснении их самобытности.

Литература

1. *Протп В.Я.* Фольклор и действительность: Избранные статьи. М. : Наука, 1976.
2. *Неклюдов С.Ю.* Богатырская сказка: Тематический диапазон и сюжетная структура // Проблемы фольклора. М., 1975. С. 82–88.
3. *Хурдамиева С.Х., Нуралиева А.Р.* Взаимосвязь богатырской сказки с другими жанрами устной прозы фольклора народов Дагестана // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. Новосибирск, 2013. С. 188–198.
4. *Бухуров М.Ф.* Адыгская богатырская сказка. Нальчик : КБ ИГИ, 2015.
5. *Зинурова Р.Р.* Общее в сюжетобразующих мотивах башкирской богатырской сказки: чудесное зачатие и рождение // Проблемы востоковедения. 2019. № 2. С. 81–86.
6. *Варламов А.Н., Варламова Г.И.* Эпос и богатырская сказка в эпической традиции восточных эвенков // Филологические науки: Вопросы теории и практики. 2011. № 4. С. 38–40.
7. *Бараг Л.Г.* «Асілкі» белорусских сказок и преданий: (К вопросу о формировании восточнославянского эпоса) // Русский фольклор. VIII. М. ; Л., 1963. С. 29–40.
8. *Садалова Т.М.* Алтайская народная сказка: формы этнобытования, типология сюжетов, поэтика и текстология : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Элиста, 2009.
9. *Закирова И.Г.* Татарская богатырская сказка // Филологические науки: Вопросы теории и практики. 2017. № 9, ч. 2. С. 31–34.
10. *Протп В.Я.* Русский героический эпос. М. : ГИХЛ, 1958.
11. *Мелетинский Е.М.* Происхождение героического эпоса: Ранние формы и архаические памятники. М. : Вост. лит., 2004.
12. *Селеева Ц.Б.* Об архаических рудиментах богатырской сказки в эпосе «Джангар» // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова: Серия Эпосоведение. 2016. № 2. С. 74–79.
13. *Демчинова М.А.* Предисловие // Алтайские богатыри: Алтайский героический эпос. Горно-Алтайск, 2018. Т. 4. С. 8–9.
14. *Баранникова Е.В.* Бурятские волшебнo-фантастические сказки. Новосибирск : Наука, 1978.
15. *Манджиева Б.Б.* К истории изучения и публикации калмыцких богатырских сказок // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1–2.
16. *Садалова Т.М.* Сказки в системе жанров алтайского фольклора // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 1. С. 50–53.
17. *Райхл Карл.* Тюркский эпос: традиции, формы, поэтическая структура. М. : Вост. лит., 2008.
18. *Юша Ж.М.* Фольклор и обряд тувинцев Китая в начале XXI века: Структура. Семантика. Прагматика. Новосибирск : Наука, 2018а.
19. *Хусаинова Г.Р.* Башкирские волшебные сказки: поэтика и текстология : дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2017.
20. *Danbuerjiaru.* Ойратско-калмыцкие богатырские сказки и богатырский эпос (тууль-улигеры) // Народы Евразии: История. Культура. Языки. Горно-Алтайск, 2017. С. 363–365.
21. *Бурькин А.А.* Критерии характеристики жанра богатырской сказки и основные отличия богатырских сказок от образцов эпоса // Вестник КИГИ РАН. Т. 38, вып. 4. 2018. С. 135–155.
22. *Кляус В.Л.* К вопросу о бытовании былины об Илье Муромце и Соловье-разбойнике // Традиционная культура. 2011. № 1. С. 98–106.
23. *Юша Ж.М.* Фольклор и обряд тувинцев Китая в начале XXI века: структура, семантика, прагматика : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2018.

24. Путилов Б.Н. Автобиография // Живая старина. 1998. № 4. С. 5–8.

25. Головинёв А.В. Антропология движения: (Древности Северной Евразии). Екатеринбург : Волот, 2009. 496 с.

26. Перевалова Е.В. Обские угры и ненцы Западной Сибири: этничность и власть. СПб. : МАЭ РАН, 2019. 350 с., ил.

Genre Peculiarities of Heroic Fairy Tales: Theoretical Research

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 70. 285–297. DOI: 10.17223/19986645/70/16

Anton K. Salmin, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: antsalmin@mail.ru

Keywords: epic genres, heroic fairy tale, heroic epic.

The aim of the article is to analyze the existing theoretical statements about genre peculiarities of heroic fairy tales and to reveal their similarities and differences in comparison with the heroic epos. For this purpose, the author uses the texts of fairy tales of the peoples of Russia, as well as monographs and research articles. The emphasis is made on the methodology of comparative-historical and historical-typological studies of folklore genres. Structurally, the article consists of three parts. The first part explores heroic fairy tales of the peoples of Russia from the point of view of their genre variety. In particular, a brief critical analysis of the available indicators of fairy tale plots is given. The alogism of the principles of classification is noted. The author of the article refers to V.Ya. Propp's opinion that the plot of the fairy tale is determined by the type of the antipode, i.e. it depends on with whom the main character has a battle. Propp described these principles well (though briefly) in his articles "Principles of classification of folklore genres" and "Genre composition of Russian folklore". The second part describes characteristics that allow defining fairy tales about heroes as an epic genre. In particular, some folklorists' opinions are analyzed about the "intermediate" position of the heroic fairy tale, between the fairy tale and the heroic epos in terms of the genre. For example, researchers of Altai, Tatar and Circassian texts adhere to such views. Researchers of the fairy tales of the peoples of Dagestan prove that both the heroic epos and the heroic fairy tale have the same motifs. In the researchers' opinion, this is indicative of the existence of a single epic fund from which the heroic epos and the heroic fairy tale developed. However, their development went in parallel; therefore, it would be wrong to call one genre the predecessor of the other. Nevertheless, there are researchers who see heroic plots as a result of the decomposition of the epos. In any case, others argue that all these processes are indicative of the genre interactions of the heroic fairy tale and the heroic epos. The third part analyzes the heroic fairy tale at the level of the genre typology. Based on texts and theoretical approaches, the author of the article comes to the conclusion that the heroic fairy tale and the heroic epos are different autonomous genres. One can speak about the epic character of heroic fairy tales, about similarity and diffusion, but not about adequacy. Hereby, one should not "complete" the heroic epos with texts of fairy tales, stories and legends because it will not be a sample of folk art, but a literary work.

References

1. Propp, V.Ya. (1976) *Fol'klor i deystvitel'nost': Izbrannye stat'i* [Folklore and Reality: Selected Articles]. Moscow: Nauka.
2. Neklyudov, S.Yu. (1975) Bogatyrskaya skazka: Tematicheskii diapazon i syuzhetskaya struktura [Heroic tale: Thematic range and plot structure]. In: Kravtsov, N.I. (ed.) *Problemy fol'klora* [Problems of folklore]. Moscow: Nauka. pp. 82–88.
3. Khurdamieva, S.Kh. & Nuralieva, A.R. (2013) [The relationship of the heroic tale with other oral prose genres of Dagestan peoples' folklore]. *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologii* [In the world of science and art: issues of philology,

art history and cultural studies]. Conference Proceedings. Novosibirsk. pp. 188–198. (In Russian).

4. Bukhurov, M.F. (2015) *Adygsкая bogatyrskaya skazka* [Adyghe heroic tale]. Nal'chik: KB IGI.

5. Zinurova, R.R. (2019) The Common in Motif Forming Plots in Bashkir Heroic Tales: The Wondrous Conception and Birth. *Problemy vostokovedeniya – Problems of Oriental Studies*. 2. pp. 81–86. (In Russian).

6. Varlamov, A.N. & Varlamova, G.I. (2011) Epos and Heroic Fairy Tale in Eastern Evenks' Epic Tradition. *Filologicheskie nauki: Voprosy teorii i praktiki*. 4. pp. 38–40. (In Russian).

7. Barag, L.G. (1963) “Asilki” belorusskikh skazok i predaniy: (K voprosu o formirovaniy vostochnoslavianskogo eposa) [“Asilki” of Belarusian fairy tales and legends: (On the formation of the East Slavic epic)]. In: *Russkiy fol'klor* [Russian folklore]. Vol. VIII. Moscow; Leningrad: USSR AS. pp. 29–40.

8. Sadalova, T.M. (2009) *Altayskaya narodnaya skazka: formy etnobytovaniya, tipologiya syuzhetov, poetika i tekstologiya* [Altai folk tale: forms of ethno-living, typology of plots, poetics and textology]. Abstract of Philology Dr. Diss. Elista.

9. Zakirova, I.G. (2017) The Tatar Heroic Fairy Tale. *Filologicheskie nauki: Voprosy teorii i praktiki*. 9 (2). pp. 31–34. (In Russian).

10. Propp, V.Ya. (1958) *Russkiy geroicheskiy epos* [Russian heroic epic]. Moscow: GIKhL.

11. Meletinskiy, E.M. (2004) *Proiskhozhdenie geroicheskogo eposa: Rannie formy i arkhaischeskie pamyatniki* [The origin of the heroic epic: Early forms and archaic monuments]. Moscow: Vost. lit.

12. Seleeva, Ts.B. (2016) About Archaic Rudiments of the Heroic Fairy Tale in the Epos of “Dzhangar”. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova: Seriya Eposovedenie – Vestnik of North-Eastern Federal University. Series “Epic Studies”*. 2. pp. 74–79. (In Russian). DOI: 10.25587/SVFU.2016.2.10880

13. Demchinova, M.A. (2018) Predislovie [Foreword]. In: Konunov, A.A. (ed.) *Altayskie bogatyri: Altayskiy geroicheskiy epos* [Altai heroes: Altai heroic epic]. Vol. 4. Gorno-Altaysk. pp. 8–9.

14. Barannikova, E.V. (1978) *Buryatskie volshebno-fantasticheskie skazki* [Buryat fairy-fantasy tales]. Novosibirsk: Nauka.

15. Mandzhieva, B.B. (2015) On the history of the study and publication of Kalmyk heroic tales. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya – Modern Problems of Science and Education*. 1–2. (In Russian).

16. Sadalova, T.M. (2009) Skazki v sisteme zhanrov altayskogo fol'klora [Fairy tales in the system of genres of Altai folklore]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya – World of Science, Culture, Education*. 1. pp. 50–53.

17. Raykhl, K. (2008) *Tyurkskiy epos: traditsii, formy, poeticheskaya struktura* [Turkic epic: traditions, forms, poetic structure]. Moscow: Vost. lit.

18. Yusha, Zh.M. (2018) *Fol'klor i obryad tuvintsev Kitaya v nachale XXI veka: Struktura. Semantika. Pragmatika* [Folklore and Rite of Chinese Tuvans at the Beginning of the 21st Century: Structure. Semantics. Pragmatics]. Novosibirsk: Nauka.

19. Khusainova, G.R. (2017) *Bashkirskie volshebnye skazki: poetika i tekstologiya* [Bashkir fairy tales: poetics and textology]. Philology Dr. Diss. Ufa.

20. Danbuerjiapu. (2017) [Oirat-Kalmyk heroic tales and heroic epic (tuul-uligers)]. *Narody Evrazii: Istoriya. Kul'tura. Yazyki* [Peoples of Eurasia: History. Culture. Languages]. Conference Proceedings. Gorno-Altaysk. pp. 363–365. (In Russian).

21. Burykin, A.A. (2018) Criteria to Characterize the Genre of Heroic Fairy Tales and the Key Features to Distinguish between the Latter and Epic Patterns. *Vestnik KIGI RAN – Oriental Studies*. 38 (4). pp. 135–155. (In Russian). DOI: 10.22162/2619-0990-2018-38-4-135-155

-
22. Klyaus, V.L. (2011) K voprosu o bytovanii byliny ob Il'e Muromtse i Solov'e-razboynike [On the existence of the epic about Ilya Muromets and Nightingale the Robber]. *Tradiitsionnaya kul'tura – Traditional Culture*. 1. pp. 98–106.
23. Yusha, Zh.M. (2018) *Fol'klor i obryad tuvintsev Kitaya v nachale XXI veka: struktura, semantika, pragmatika* [Folklore and rite of the Tuvans of China at the beginning of the 21st century: structure, semantics, pragmatics]. Abstract of History Dr. Diss. Moscow.
24. Putilov, B.N. (1998) Avtobiografiya [Autobiography]. *Zhivaya starina*. 4. pp. 5–8.
25. Golovnev, A.V. (2009) *Antropologiya dvizheniya: (Drevnosti Severnoy Evrazii)* [Anthropology of Movement: (Antiquities of Northern Eurasia)]. Yekaterinburg: Volot.
26. Perevalova, E.V. (2019) *Obskie ugry i nentsy Zapadnoy Sibiri: etnichnost' i vlast'* [The Ob Ugrians and Nenets of Western Siberia: ethnicity and power]. St. Petersburg: MAE RAS.